

ББК 63.3(2)2

С.С. Матренин

**Колчаные крюки кочевников Алтая
хуннско-сяньбийско-жужанского времени
(II в. до н.э. – V в. н.э.): классификация и типология***

S.S. Matrenin

**Quivers Hooks of Altai Nomads
from Xioungnu-Xianbi-Zhuzhan Time
(II Century BC – V Century AD): Classification and Typology**

Представлены результаты исследования колчаных крюков из погребальных памятников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. В обиходе населения булан-кобинской культуры были наиболее распространены крюки с поперечной планкой, датируемые второй четвертью I тыс. н.э. Выявлено значительное сходство данной модификации крюков с экземплярами из Восточного Забайкалья позднесяньбийского времени и раннего Средневековья.

Key words: Алтай, погребальные комплексы, булан-кобинская культура, сяньби, колчаные крюки, поясная гарнитура, снаряжение, морфологическое описание, датировка, аналогии, хронология, типология.

Важной частью снаряжения кочевых народов Евразии поздней древности и Средневековья являются различного рода застежки, связанные преимущественно с воинской амуницией. Отдельную их категорию представляют так называемые колчаные крюки. Находки данных изделий *in situ* в погребениях показывают, что они применялись в качестве «пряжек» стрелковых (садачных) поясов.

Актуальной задачей является выявление традиций изготовления колчаных крюков у носителей разных археологических культур Саяно-Алтая. Следует отметить, что относительная хронология данных предметов выводится, как правило, не из типологии, а из ситуаций их обнаружения в закрытых комплексах с другими, убедительно датируемыми вещами. Обозначенную тенденцию хорошо демонстрируют результаты осмысления материалов Алтая скифо-сакского и тюркского времени [1, с. 59–61; 2, с. 66–70; 3, с. 92–93, 96]. В изучении рассматриваемого элемента воинского снаряжения кочевников Алтая хуннско-сяньбийско-жужанского времени

This article is devoted to the results of the researching quivers hooks excavated from the Altai nomads' burial mounds dated from II century BC – to V century AD. Bulan-Koby people often used quivers hooks with cross strip dated from the second quarter of the Ist thousand AD. It was revealed that there are significant similarity between the hooks of this modification and suitable analogies from Eastern Transbaikalia dated from the late Xianbi time and the early Middle Ages.

Key words: Altai burial complexes, Bulan-Koby culture, Xianbi, quivers hooks, tips belts, equipment, morphological description, dating, analogy, chronology, typology.

(II в. до н.э. – V в. н.э.) имеется пока небольшой задел. Колчаные крюки булан-кобинской культуры наиболее обстоятельно характеризовались в диссертации Ю.Т. Мамадакова [4]. При этом значительная часть данных предметов по-прежнему не введена в научный оборот.

Современный уровень накопления археологических источников дает основания осуществить полноценный морфологический, классификационный и типологический анализ колчаных крюков населения булан-кобинской культуры с привлечением корпуса аналогий по разным регионам степной и лесостепной полосы Евразии (Сибирь, Центральная и Средняя Азия, Восточная Европа).

Морфологическая характеристика и функциональное назначение колчаных крюков. Морфология колчаных крюков в археологической литературе разработана пока слабо. Внешняя «простота» определяет не унифицированное их описание, а также в основном демонстрационный характер классификаций на основе одного–двух показателей. В этой связи считаем не-

* Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» по проекту «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (шифр 2009-1.1-301-072-016).

обходимым, представить четкую атрибуцию основных элементов конструкции рассматриваемых изделий.

Крюк – это металлическая застежка, имеющая основание, язычок и щиток. Основание – главная часть корпуса в виде стержня (подквадратного и округлого в сечении) или пластины. Основание может быть прямым или прогнутым. Язычок – резко загнутый конец стержня или пластины, предназначенный для фиксации свободного конца ремня (снабженного прорезью или оформленного в виде петли) либо для крепления крюка к колчану. Язычок может быть с поперечной планкой (прямая или фигурная перекладина) на окончании или без таковой. Щиток – место соединения крюка с неподвижным концом ремня, четко выделенное или плавно переходящее в основание. Конструктивно щитки разнообразны: сомкнутая петля, ориентированная просветом на лицевую сторону крюка, не сомкнутая петля, загнутая на лицевую или тыльную сторону основания, пластина с прорезью, монолитная пластина, фиксирующаяся с помощью вставных шпеньков, пластина с петелькой, другие варианты.

В погребальном инвентаре населения Алтая хуннско-сяньбийско-жужанского времени колчаные крюки – сравнительно редкая находка. В более 700 захоронениях булан-кобинской культуры нами было идентифицировано всего 36 таких изделий разной степени сохранности. Зафиксированные ситуации расположения крюков *in situ* в погребениях булан-кобинской культуры показывают, что они находились преимущественно в области таза или в верхней части

бедер (обычно смещены в правую сторону) в проекции горловины футляра для стрел и никогда у дна колчана. Засвидетельствованы более редкие случаи размещения данных застежек вместе с колчаном в районе колена или у головы человека справа. Судя по этим наблюдениям, в могилу саадачный пояс могли помещать расстегнутым. Отсутствие находок органической основы пояса, а также крепежных деталей в виде распределителей ремней затрудняют реконструкцию способа соединения крюка, пояса и колчана. В самом простом варианте ремень пропускался через петлю-подвес на тыльной стороне колчана, на одном конце которого располагался сам крюк, а на другом – отверстие или петля. Нельзя исключать, что крюк мог зацепляться язычком за металлическую скобу, неподвижно фиксирующуюся к корпусу колчана (Степушка-I, к. 19). Важно, что практически все найденные крюки располагались отдельно от основных поясов, застегиваемых с помощью пряжки.

Классификация. Для классификации нами использовано 24 экз. хорошей и удовлетворительной сохранности. При таксономической систематике данных предметов применялась следующая схема структурирования признаков: группа – материал изготовления, разряд – наличие или отсутствие поперечной планки на язычке, раздел – оформление поперечной планки и окончания язычка без планки, отдел – конструкция щитка, тип – форма щитка. В результате сочетания обозначенных выше показателей были получены две группы, два разряда, четыре раздела, пять отделов, 11 типов колчаных крюков (рис. 1).

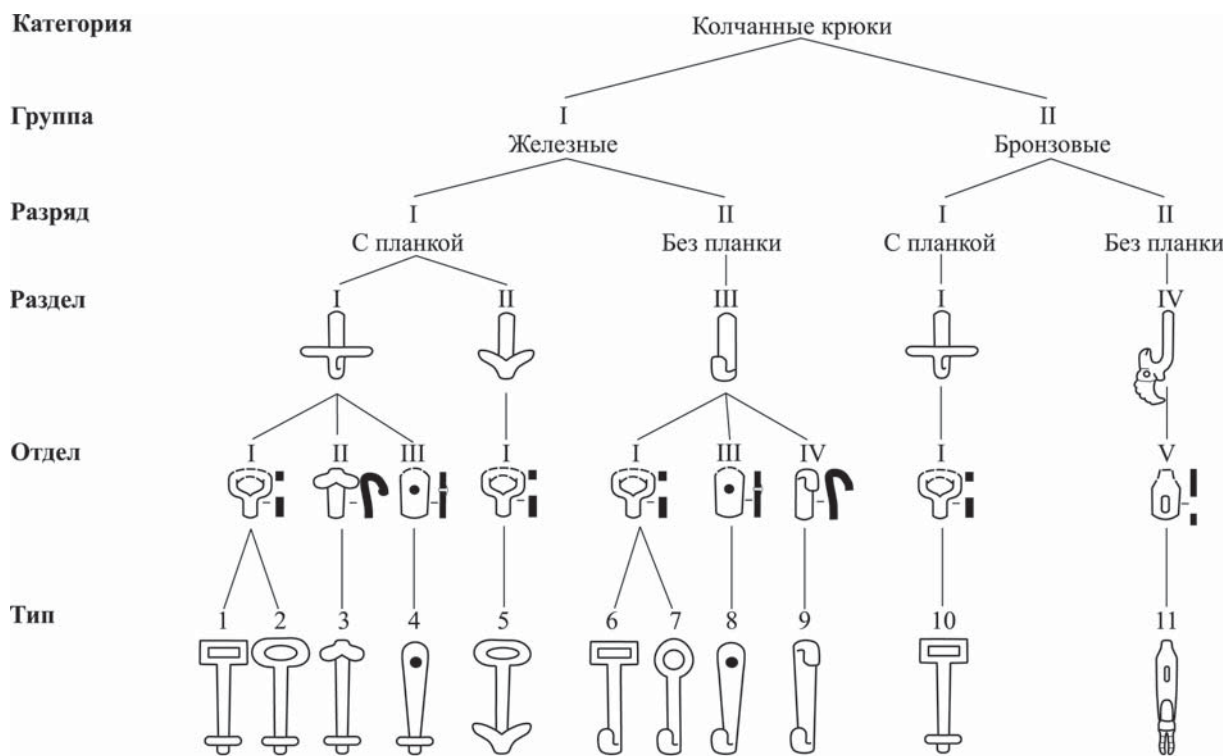

Рис. 1. Схема классификации колчаных крюков населения Алтая хуннско-сяньбийско-жужанского времени

Группа I. Железные крюки.

Разряд I. С поперечной планкой на язычке.

Раздел I. Планка прямая.

Отдел I. Щиток представляет собой сомкнутую петлю, ориентированную просветом на лицевую сторону основания.

Тип 1. Абрис щитка в виде прямоугольной фигуры, вытянутой перпендикулярно основанию. Всего 3 экз.: Кок-Паш, к. 29, 49; Яломан-II, к. 32 (рис. 2). Длина основания составляет 7,3–9,3 см, планки – 2,3–4,6 см.

Тип 2. Щиток овальный, вытянутый перпендикулярно основанию. Насчитывает 7 экз. из могильников Верх-Уймон (к. 35), Кок-Паш (к. 39), Яломан-II (к. 30), Булан-Кобы-IV, Дялян (рис. 2). Длина основания 6,2–10 см, планки – 2–4,5 см.

Отдел II. Щиток представляет собой несомкнутую петлю с поперечной перекладной, загнутую на лицевую сторону основания.

Тип 3. Щиток полукруглый. Включает 1 экз. из Булан-Кобы-IV. Длина основания составляет 8,3 см, сохранившейся части планки – 2,5 см.

Отдел III. Щиток представляет собой пластину, фиксирующуюся на неподвижном конце ремня с помощью вставных шпеньков-заклепок.

Тип 4. Щиток овально-четырёхугольный, плавно переходящий в основание. Учтено 2 экз.: Яломан-II, к. 31; Степушка-I, к. 19 (рис. 2). Длина основания от 8,6 до 10,2 см, планки 3,1–3,2 см.

Раздел II. Планка v-образная (с сильным прогибом посередине).

Отдел I. Щиток представляет собой сомкнутую петлю, ориентированную просветом на лицевую сторону основания.

Тип 5. Щиток овальный, вытянутый перпендикулярно основанию. Имеется 2 экз.: Яломан-II, к. 29; Кам-Тытугем (рис. 2). Длина основания варьирует в пределах 7,8–11 см, планки – от 3,4 до 6 см.

Разряд II. Без поперечной планки на язычке.

Раздел III. Окончание простое.

Отдел I. Щиток представляет собой сомкнутую петлю, ориентированную просветом на лицевую сторону основания.

Тип 6. Щиток прямоугольный, вытянутый перпендикулярно основанию. Всего 1 экз. из некрополя Булан-Кобы-IV. Длина основания 8,9 см.

Тип 7. Щиток округлый. Зафиксировано 3 экз. в памятниках Степушка-I (к. 5, 17) и Дялян. Длина основания колеблется от 6,6 до 10,5 см.

Отдел III. Щиток представляет собой пластину, фиксирующуюся на неподвижном конце ремня с помощью вставных шпеньков.

Тип 8. Щиток овальный, плавно переходящий в основание. Всего 2 экз. из могильников Степушка-I (к. 6) и Тянгыс-Тыт, к. 2. Длина основания 4,8–6,5 см.

Отдел IV. Щиток представляет собой несомкнутую петлю, загнутую в сторону язычка на лицевой или тыльной поверхности основания.

Тип 9. Щиток полукруглый. Всего 1 экз.: Верх-Уймон, к. 32 (рис. 2). Длина основания 6,5 см.

Группа II. Бронзовые крюки.

Разряд I. С поперечной планкой на язычке.

Раздел II. Планка прямая.

Отдел I. Щиток представляет собой сомкнутую петлю, ориентированную просветом на лицевую сторону основания.

Тип 10. Щиток прямоугольный, вытянутый перпендикулярно основанию. Всего 1 экз.: Балыктыноль, к. 227 (рис. 2). Длина основания составляет 10,3 см, планки – 3,3 см.

Разряд II. Без поперечной планки на язычке.

Раздел IV. Окончание зооморфное (в виде головы горного барана).

Отдел V. Щиток представляет собой пластину, фиксирующуюся к ремню с помощью прорези.

Тип 11. Щиток фигурный, плавно переходящий в основание. Имеется 1 экз.: Айрыдаш-I, к. 25 (рис. 2). Длина основания – 5 см.

Типология. Колчаные крюки представлены в поясных гарнитурах многих кочевых народов Евразии со 2-й половины I тыс. до н.э. Практика использования данных застежек в Центральной Азии и Сибири значительно сокращается во II в. до н.э. – I в. н.э. за счет широкого распространения металлических пряжек с подвижным язычком. Колчаные крюки очень редко встречаются у хунну Забайкалья и Монголии [5, табл. 42.-6; 6, табл. 30.-7; 7, т. 225]. В степях Восточной Европы такие изделия выходят из употребления в раннесарматское время (II – I вв. до н.э.). Новое их появление в данном регионе связано с пришедшими сюда в конце IV в. н.э. гуннами. В лесных культурах Прикамья они известны на протяжении II в. до н.э. – V в. н.э. [8, табл. XVIII.-2; 9, рис. 16.-5, 6, 7, 9; 10, табл. 8.-27, 28, 29; рис. 18.-1–6; 11, рис. 11.-9 – 13, 40, 41, 42].

На Алтае колчаные крюки впервые фиксируются у населения пазырыкской культуры со 2-й половины VI – 1-й половины V в. до н.э. Известные на сегодняшний день колчаные крюки булан-кобинской культуры происходят из погребений, датирующихся не ранее II в. н.э. Верхняя хронологическая граница их бытования смыкается со временем появления раннетюркских памятников 2-й половины V – 1-й половины VI в.

Материал крюков в типологическом отношении является слабо информативным показателем, поскольку 22 из 24 анализируемых экземпляров выполнены из железа в техникековки (группа I). Однако широкое использование железа, а также присутствие самых ранних крюков в погребениях II – 1-й половины IV в. н.э. отражают новую традицию изготовления

этой детали воинского снаряжения «булан-кобинцев», генетически не связанную с бронзовыми гарнитурами пазырыкской культуры. Данный вывод подтверждает-

ся результатами исследования конструкции и формы рассматриваемых изделий на ниже стоящих уровнях разработанной нами классификации.

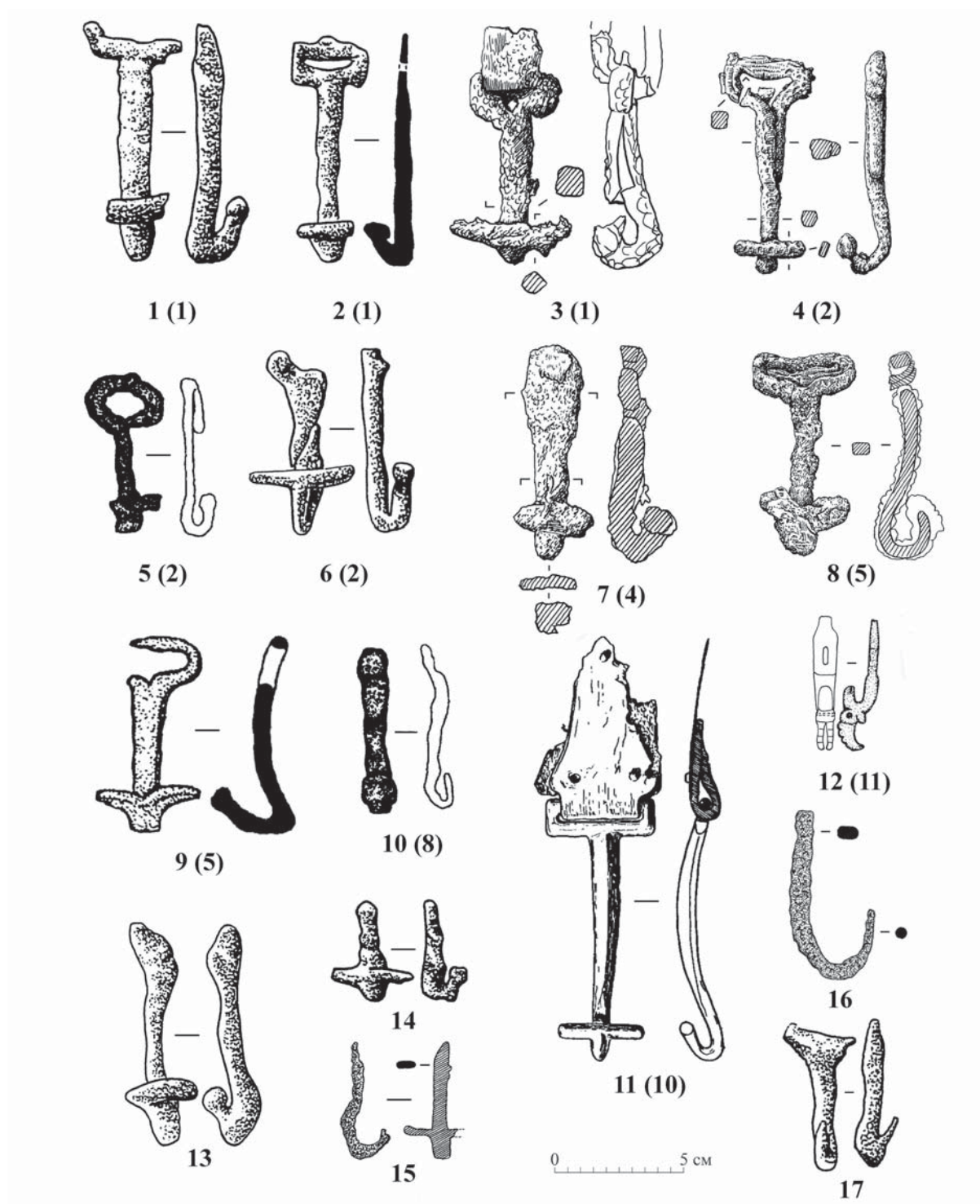

Рис. 2. Колчанные крюки из опубликованных материалов булан-кобинской культуры.

1, 2, 6, 13, 14, 17 – Кок-Паш, курганы №29, 49, 39, 12, 29, 40 [50];

3, 4, 7, 8 – Яломан-II, курганы №32, 30, 31, 29 [51];

5, 10 – Верх-Уймон, курганы №35, 32 [52]; 9 – Кам-Тытугем [53];

11 – Балыктыюль, курган №227 [54]; 12 – Айрыдаш-I, курган №25 [55];

15, 16 – Кызыл, курган №3, впускное погребение №1 [56].

8 – железо, кожа; 11, 12 – бронза; остальное – железо (на рисунке в скобках указаны номера типов)

У булан-кобинского населения наибольшей популярностью пользовались крюки с поперечной планкой на язычке (раздел I). Данный признак присутствовал у 21 из 35 известных нам крюков в памятниках Алтая II–V вв. н.э. Функциональное назначение планки заключалось в том, что она предназначалась для более надежной фиксации свободного конца ремня, который представлял собой широкую прорезь или петлю. Такую же роль планка выполняла в случае, если крюк крепился к металлической скобе [12, рис. 1, 5.-11, с. 117]. Особенностью большинства крюков с таким оформлением язычка выступает большая длина основания, которое почти всегда прогнуто.

Начальная дата появления крюков с поперечной планкой на территории Южной Сибири считается принципиально важной для региональной археологической периодизации. Сложность ее определения вызывает «плавающая» датировка комплексов, где найдены данные предметы, или фрагментарная публикация материалов некоторых перспективных для решения этого вопроса памятников. Неудивительно, что в ряде случаев такие крюки сами приобретают значение хронологического индикатора.

Имеющиеся к настоящему моменту археологические источники показывают, что этой модификации крюков нет во I–II вв. н.э. [13, с. 36; 14, с. 78–82]. За пределами Саяно-Алтая крюки с поперечной планкой происходят преимущественно из памятников IV–V вв. н.э. Они представлены в бурхотуйской и дарасунской культурах Восточного Забайкалья (IV–VI вв.), у поздних сяньби на территории северного Китая (начало IV в.), у «кенкольцев» Тянь-Шаня (IV–V вв.), у джетыясарского населения Восточного Приаралья (IV в.), у кочевников Приаралья и Северного Причерноморья гуннского времени (конец IV–V вв.), а также у племен Новосибирского Приобья (2-я половина V – начало VI в.) [15, с. 170, табл. VI.-8; XVIII.-1, 2, 3, 6; XX.-10; XXIII.-2; 16, рис. 30.-1, 2, 3, 5, 6, 7, 9; 17, рис. 75.-5; 76.-2; 80.-10; 18, рис. 2.-10, 11; 19, рис. 139.-37; 20, табл. 5.-12; 37.-21; 46.-19; 21, рис. 23.-9; 22, с. 112, рис. 37.-6; 23, fig. 9.-3]. Однако крюки данной модификации появляются раньше. Этот вывод подтверждается данными по закрытым комплексам Восточного Забайкалья, Тувы, предгорий Кузнецкого Алатау и непосредственно Алтая, датировка которых может быть аргументирована в интервале не древнее III в. – и не моложе 1-й половины IV в. н.э.

Полноценное рассмотрение материалов Восточного Забайкалья сейчас практически сведено на нет выборочной публикацией захоронений бурхотуйской культуры, начальная дата которой уже несколько десятилетий определяется в пределах IV или V вв. н.э. без каких-либо указаний на более узкие хронологические интервалы. В данном случае важно то, что колчаные крюки с планкой обнаружены в сяньбийских погребениях дуройского типа Приаргунья

(могильники Большая Канга-I, Дурой-I) [24, рис. 6: III.-4; 25, с. 168]. В хронологическом отношении они занимают промежуточное положение между зоргольскими (II – начало III в. н.э.) и бурхотуйскими памятниками и датируются, по-видимому, не ранее середины III в. н.э. [24, с. 255, 257; 26, с. 73–75; 27]. Погребения этой группы поздних сяньби отражают процесс формирования элементов вещевого комплекса и погребального обряда бурхотуйской общности на рубеже III–IV вв. н.э.

В опубликованных материалах кокзельской культуры Тувы крюки с планкой представлены двумя экземплярами из кургана-кладбища Кокзель-26 [28, рис. 60.-2, 73.-8]. Крюк из Бай-Тайги датируется по сопутствующим вещам, прежде всего железным пластинам от доспеха, не ранее 2-й половины IV в. н.э. [29, рис. 30.-1]. Время существования некрополя Кокзель по-прежнему вызывает дискуссии. По мнению Д.Г. Савинова, датировка этого уникального комплекса приходится на 2-ю половину II – середину III в. н.э. с возможным «запаздыванием» до начала IV в. н.э. и соответствует периоду господства в Центральной Азии сяньби [30, с. 107–109; 31, с. 54–55; 32, с. 74]. Н.Н. Николаев [33, с. 24–25] определяет нижний хронологический рубеж функционирования данного некрополя временем крушения военно-политического могущества сяньби, а сам памятник датирует не ранее конца III в. н.э. Принимая во внимание относительно «короткую» хронологию Кокзеля [30, с. 107–109; 31, с. 55], можно допустить, что большинство погребений попадают во 2-ю половину III – начало IV в. н.э. Этот временной отрезок характеризуется процессом «уничтожения» кокзельской популяции. К сожалению, крюки с планкой происходят из погребений (КЭ-26, п. 31, 38), сопроводительный инвентарь которых (как, впрочем, могильника в целом) датируется в широких рамках. Правда, экземпляр из погребения 38 найден вместе с витой пластинчатой гривной, типологически более ранней, чем крученые гривны из нескольких сплетенных проволок. Точные подобию ей представлены в таштыкском склепе 2 Изыхского чаатаса IV–V вв. н.э. [34, табл. 91]. В Туве эти украшения появляются, видимо, несколько раньше, чем на Среднем Енисее.

Экземпляр крюка с поперечной планкой имеется в фоминской культуре. Обнаружен он в предгорьях Кузнецкого Алатау в Усть-Абинском могильнике [35, с. 65, табл. LXX.-11]. Археологический возраст этого памятника определяется не ранее 2-й половины III в. н.э. на основании хорошо датирующихся вещевых комплексов, в том числе с привлечением позднесарматских и прикамских аналогий. Крюки этой конструкции демонстрируют контакты населения подтаежной зоны юга Западной Сибири с кочевыми племенами на волне «великого переселения народов». С какой территории данное изделие попало в предгорья Кузнецкого Алатау, сказать сложно. Однако,

учитывая параллели в вещевых наборах с булан-кобинской и кокэльской культурой, предпочтительным будет рассматривать направление связей с Алтаем и Тувой. В ареале фоминской культуры начало распространения крюков с планкой может запаздывать до последней четверти III в. н.э.

Приведенные выкладки дают основания считать, что период использования колчаных крюков с поперечной планкой в воинском снаряжении «булан-кобинцев» приходится на 2-ю четверть I тыс. н.э. Верхняя хронологическая граница бытования таких крюков на Алтае устанавливается достаточно уверенно в рамках 2-й половины V – 1-й половины VI в. н.э. по их присутствию в оградках кызыл-ташского этапа тюркской культуры [36, рис. II.-6; V.-9]. На последующих этапах развития тюркской общности они не встречаются.

Изобретение крюков с таким оформлением язычка пока трудно связать с какой-то конкретной этнокультурной средой, хотя предпочтение можно отдать племенам позднесяньбийского конгломерата. При этом выделяются два региона, где данные застежки имели наибольшую популярность. Одним из них является Алтай, другим – Восточное Забайкалье. На остальных территориях такие крюки встречаются редко. Из Центральной Азии они проникают в Семиречье и на Нижнюю Сырдарью (IV в. н.э.), откуда в конце IV в. вместе с гуннами данные предметы попадают в степи Приуралья и дальше в Восточную Европу.

Колчаные крюки разряда I снабжены обычно прямой планкой (раздел I). Количественно преобладают экземпляры со щитком в виде сомкнутой петли (отдел I) прямоугольной (тип 1) или овальной (тип 2) формы¹. Тип 1 можно сравнить с обломком крюка из погребения фоминской культуры Усть-Абинского могильника, которое, как уже отмечалось выше, датируется не ранее 2-й половины III в. н.э., вероятно, ближе к концу столетия [35, табл. LXX.-11]. В опубликованных археологических материалах из других регионов они отсутствуют. Значительное количество аналогий найдено для типа 2: в кокэльском ритуальном комплексе из Бай-Тайги в Туве не ранее 2-й половины IV в. н.э., в дуройских (Большая Канга-I) и бурхотуйских погребениях Восточного Забайкалья (преимущественно IV–VI вв. н.э.), в катакомбах кенкольской культуры Тянь-Шаня (не ранее IV в. н.э.), в кургане раннего этапа (2-я половина V–VI вв. н.э.) верхнеобской культуры Крохалева-23, в памятниках гуннского времени (конец IV–V вв. н.э.), Приуралья (Кызыл-Адыр, курган с «усами» Султантимировский-I), и Северного Причерноморья (Новогригорьевка, Кубей) [15, табл. XVIII.-2, XXIII.-2; 16, рис. 30.-1; 17, рис. 80.-10; 18, рис. 2.-11; 20, табл. 5.-12; 37.-21; 46.-19; 21, рис.

23.-9; 24, рис. 6.-4; 29, рис. 30.-1; 34, рис. 37.-6]. Похожий крюк происходит из раннетюркской оградки 2-й половины V – 1-й половины VI в. комплекса Кудэргэ [36, рис. V.-9]. На Алтае колчаные крюки типов 1–2 датируются 2-й половиной III – началом VI в. н.э. Широкое применение в воинском снаряжении они получили, видимо, с рубежа III–IV в. н.э.

Крюки с прямой планкой (раздел I), имеющие щиток в виде несомкнутой полукруглой петли с поперечной перекладиной, загнутой на лицевую сторону основания (отдел II), представлены одним экземпляром (тип 3). Похожее изделие, но с петлей без перекладины, загнутой на тыльную сторону основания, происходит из некрополя Кокэль (КЭ-26, п. №XXXVIII) [28, рис. 73.-8]. Датировка погребения, где найден данный предмет, определяется в интервале 2-й половины III–IV вв. н.э. В рамках кокэльской культуры Тувы такая модификация застежек отражает оригинальный подход конструктивного решения, который заключается в сочетании нового оформления язычка и уже известного петельчатого крепления, характерного для крюков без планки [28, рис. 40.-2, 3; 76.-3; 97.-7, 8, 9; 37, табл. I.-26]. Полностью совпадающая во всех деталях аналогия типу 3 зафиксирована в бурхотуйской культуре Восточного Забайкалья [16, рис. 30.-9]. Крюк типа 3, найденный на Алтае, предварительно датируется нами концом III – серединой IV в. н.э.

Еще один крюк с прямой планкой снабжен пластинчатым щитком со шпеньковым креплением (отдел III), имеющим овально-четырёхугольную форму (тип 4). Похожее изделия встречены в позднесяньбийских материалах могильника Дурой-I Восточного Забайкалья (не ранее середины III в. н.э.), а также в погребении династии Ранняя Янь (начало IV в. н.э.) из Чаояна в Северном Китае [23, fig. 7.-3; 25, с. 168]. Наиболее вероятное время бытования данных крюков у булан-кобинского населения это IV–V вв. н.э. Похожий, но не идентичный на уровне абриса щитка экземпляр зафиксирован в тюркской оградке 2-й половины V – 1-й половины VI в. из Кудыргэ [36, рис. II.-6].

Крюк с v-образно изогнутой планкой (раздел II) имеет щиток в виде сомкнутой петли (отдел I) овальной формы (тип 5). Похожее изделия имеются в комплексах не древнее IV в. н.э. из Восточного Забайкалья, Тянь-Шаня и Восточного Приуралья [16, рис. 30.-5; 18, рис. 2.-10; 19, рис. 139.-37]. На территории Алтая крюки с такими морфологическими признаками появляются, видимо, в IV в. н.э. Определить верхнюю дату типа 5 на имеющемся материале пока сложно.

Теперь перейдем к рассмотрению крюков без поперечной планки (разряд II). Анализировать их достаточно сложно, так как в эпоху поздней древности и Средневековья они имели широкую географию распространения, внешне похожие изделия встречались на весьма отдаленных территориях. Это обстоятельство заставило нас отказаться от глобального сравни-

¹ У экземпляра типа 1 из кургана 32 могильника Яломан-II в петлю пропущена подвижная лопасть-полуобойма прямоугольной формы, фиксирующаяся к ремню вставными шпеньками. Изделия с таким креплением за пределами Алтая нам не известны.

тельного изучения данных предметов и ограничится исследованием находок II в. до н.э. – V в. н.э. из восточной части степной и лесостепной полосы Евразии.

В железном исполнении крюки без планки появляются уже в скифо-сакское время. На Алтае они впервые зафиксированы в пазырыкской культуре, хотя намного чаще встречаются у племен каменной культуры в Верхнем Приобье [2, рис. 29.-11; 38, рис. 120.-8, 9, 10, 20–28]. В Центральной Азии и Сибири железные крюки без планки с простым окончанием язычка (раздел II) известны у хунну Забайкалья и Монголии, населения кокзельской культуры Тувы, поздних сяньби Восточного Забайкалья, носителей тесинской и таштыкской культур Хакасии, шестаковских племен Ачинско-Мариинской лесостепи, фоминского населения Верхнего Приобья и предгорий Кузнецкого Алатау, в памятниках одинцовской культуры Алтайской лесостепи и ранних комплексах верхнеобской культуры Томского Приобья, в курганах саргатской культуры юга Западной Сибири [5, табл. 42.-6; 6, табл. 30.-7; 7, с. 225; 25, с. 168; 28, рис. 29.-6, 40.-2, 3; 76.-3, 97.-7, 8, 9, 106.-5; 34, рис. 15.-25, 27, 28, 29, 65, 70, 77 табл. 8.-9, 10, 11, 68.-2, 91, 104, 115, 135.-1, 2; 35, табл. XXXVII.-1, XLIX.-1, LIII.-18; 37, табл. I.-25, 26; 39, рис. 5.-4; 40, рис. 22.-13, 14, 15; 41, табл. XXXII.-2; XLI.-22; 42, рис. 3.-4; 5.-6; 43, рис. 4.-9; 7.-2; 14.-9; 44, рис. 24.-6; 45, рис. 20.-4; 45.-11; 46, рис. 40.-44; 47, рис. 22.-12, с. 54].

Среди крюков без планки количественно доминируют экземпляры со щитком в виде сомкнутой петли, ориентированной просветом на лицевую сторону основания (отдел I). Они были популярными у многих народов эпохи поздней древности и раннего Средневековья. Тем не менее зафиксированный в булан-кобинской культуре крюк с петлей прямоугольной формы (тип 6) не имеет себе точных аналогий. Появление данного типа могло произойти под влиянием экземпляров типа 1 посредством переноса от них прямоугольной формы щитка, либо, наоборот, путем удаления поперечной планки. Крюк типа 6 обнаружен в кургане 26 могильника Булан-Кобы-IV, который относится к концу бело-бомского – началу верх-уймонского этапа (середина – 2-я половина IV в. н.э.) булан-кобинской культуры. Крюки с округлым щитком (тип 7) являются частой находкой в археологических комплексах 2-й половины I тыс. до н.э. Наиболее близкие в территориальном отношении экземпляры связаны с каменной культурой Верхнего Приобья [38, рис. 120.-20–24; 48, с. 57–58, рис. 47.-1, 2] и саглынской культурой Тувы и Монголии [49, табл. 3.-37; 32.-1, 9, 60.-30, 95.-17]. В 1-й половине I тыс. н.э. они встречаются в памятниках кокзельской, тесинской, таштыкской, фоминской, саргатской культур [28, рис. 29.-6; 34, рис. 15.-29, табл. 8.-9, 10; 35, табл. XXXVII.-1, XLIX.-1, LIII.-18; 40, рис. 22.-13; 45, рис. 20.-4]. Известные в настоящий момент на Алтае

экземпляры типа 7 генетически не связаны с застежками скифо-сакского времени, так как они обнаружены в погребениях IV–V вв. н.э. Установить начальную дату появления таких крюков у «булан-кобинцев» пока сложно. Определенно следует говорить об их отсутствии в данном регионе в хуннуское время (II в. до н.э. – I в. н.э.).

Крюки без планки с пластинчатым щитком, который фиксируется к ремню с помощью вставных шпеньков (отдел II), известны в памятниках хунну, в курганах саргатской культуры, в грунтовых могилах таштыкской культуры, в позднесяньбийских погребениях дуройского типа [7, т. 225; 25, с. 168; 34, рис. 15.-25; 47, рис. 22.-15, с. 54]. Данные изделия получают широкое распространение в раннем и развитом Средневековье. Такие крюки на Алтае наиболее массово представлены у тюрок [3, табл. 7.-4. 99.-16, 150.-5]. Экземпляры из курганов булан-кобинской культуры имеют овальные щитки (тип 8), точные подобию которым нам не известны. С учетом распространения морфологически близких предметов на Среднем Енисее и в Восточном Забайкалье появление данных крюков на Алтае предварительно можно отнести к III в. н.э. Вопрос о верхней хронологической границе типа 8 для булан-кобинской культуры остается пока открытым.

Колчанные крюки без планки раздела III, имеющие щиток в виде несомкнутой петли, загнутой на лицевую или тыльную поверхность основания (отдел IV), представлены типом 9. Рассматриваемая конструкция крепления зафиксирована впервые у бронзовых крюков скифо-сакского времени. Единственный железный экземпляр данного типа имеет аналогии в некрополе Кокзель (не ранее III в. н.э.), а также в таштыкском склепе (не ранее IV в. н.э.) из Маркелова Мыса-II [28, рис. 40.-2,3, 76.-3, 97.-7, 8, 9; 37, табл. I.-26; 40, рис. 22.-14, 15]. С учетом этих немногочисленных сопоставлений можно предположить, что начальный период распространения изделий типа 9 на Алтае приходится на поздний III–IV вв. н.э.

Бронзовые колчанные крюки (группа II) в снаряжении кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени применялись редко. В этом материале нам известно два изделия. Одно из них с прямой поперечной планкой (разряд I, раздел I) на язычке и с сомкнутой петлей (отдел I) прямоугольной формы (тип 10), в которую вставлена подвижная лопасть-полуобойма. Датировка данного типа должна совпадать с хронологическими выкладками, полученными для типов 1, 2 – укладывается в рамки 2-й четверти I тыс. н.э. Другой крюк из цветного металла имеет язычок без планки (разряд II) с зооморфным окончанием (раздел IV) и прорезной пластинчатый щиток (отдел IV) с фигурным абрисом (тип 11). На уровне отдельных морфологических характеристик его можно сравнить с колчанными застежками 2-й половины I тыс. до н.э.

Правда, пластинчатые щитки с вертикально-ориентированной прорезью для скифо-сакского времени не характерны. Следует отметить достаточно архаичное декоративное оформление окончания язычка в виде головы горного барана со сквозным отверстием на месте глаз, вероятно, для инкрустации. Таким образом, тип П1 является пока самой ранней модификацией застежек стрелкового пояса в булан-кобинской культуре и датируется нами предварительно II–III в. н.э. На фоне массивных крюков кочевников Алтая III–V вв. н.э. он резко выделяется небольшой длиной основания, в пределах 5 см.

В заключение проведенного исследования можно сделать следующие выводы. На современном уровне накопления археологических источников определенно следует говорить об отсутствии стрелковых поясов с крюками-застежками в памятниках Алтая хуннского времени (II в. до н.э. – I в. н.э.). Наибольшей популярностью у «булан-кобинцев» пользовались крюки с поперечной планкой, период бытования которых приходится на 2-ю четверть I тыс. н.э. Рассмотренным изделиям найдено значительное количество аналогий в памятниках IV–V вв. н.э., что отражает время их активного использования. Актуальным является вопрос о появлении крюков с поперечной планкой на данной

территории в рамках влияния материальной культуры позднесяньбийского конгломерата племен на волне «великого переселения народов». Выявлено значительное сходство данных крюков на Алтае и в Восточном Забайкалье, которое может отражать ориентацию кочевников этих регионов на одинаковые образцы воинской экипировки. Крюки с поперечной планкой являются одним из хронологических индикаторов поздней фазы бело-бомского этапа (II – 1-я половина IV в. н.э.), а также показательным элементом предметного комплекса верх-уймонского (2-я половина IV – 1-я половина V в. н.э.) этапа булан-кобинской культуры. Различия между «ранними» (2-я половина III – 1-я половина IV в. н.э.) и «поздними» (2-я половина IV – начало V в. н.э.) экземплярами выявить пока сложно. Колчаные крюки без планки с простым окончанием язычка генетически не связаны с традициями скифо-сакского времени. Датировка таких крюков имеет сложности, которые вызваны небольшой серией данных экземпляров в закрытых комплексах Алтая II–V вв. н.э. Для определения относительной хронологии данных типов приходится учитывать контекст их обнаружения с другими датируемыми категориями инвентаря в отдельных погребениях булан-кобинской культуры.

Библиографический список

- Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск, 1989.
- Кириюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. – Барнаул, 2004.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск, 2005.
- Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1990.
- Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. – Т. 2: Иволгинский могильник // Археологические памятники Сибири. – Вып. 2. – СПб., 1996.
- Миняев С.С. Дырестуйский могильник // Археологические памятники Сибири. – Вып. 3. – СПб., 1998.
- Эрдэнэ Б., Амгалантөгс Ц., Нельсон Р. Бага газрын чулуунд хийсэн археологийн малтлага судалгааны зарим үр дүнгээс // Studia Archaeologica. – Tom IV (XXIV). – Fasc. 15. – Ulan-Bator, 2007.
- Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов. – Ижевск; Свердловск, 1963 (ВАУ. Вып. 5).
- Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (Пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э.). – М., 1988.
- Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. – Уфа, 1992.
- Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. – Ижевск, 1997.
- Ковычев Е.В. Могильник железного века у станции Дарасун // По следам древних культур Забайкалья. – Новосибирск, 1983.
- Елин В.Н., Васютин А.С. Новые материалы предтюркского времени из Восточного Алтая // Советско-венгерский сборник. – Кемерово, 1984.
- Николаев Н.Н. Поясные наборы могильника Кокэль // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. – СПб., 2000.
- Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). – Новосибирск, 1984.
- Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск, 1991.
- Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. – Новосибирск, 2000.
- Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск, 1987.
- Левина Л.М. Могильники Алтынасар 4 // Низовья Сырдарьи в древности (Вып. IV: Джетысарская культура. Ч. 3–4. Могильники Алтынасар). – М., 1994.
- Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв. н.э.). – СПб., 1994.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск, 1988.
- Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. – Челябинск, 2006.
- Yu Junyu Relics of the Former Yan Unearthed at Sanhecheng, Chaoyang // Wenwu. – 1997. – №11.
- Ковычев Е.В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия лаборатории древних технологий. – Вып. 4. – Иркутск, 2006.

25. Зюзин А.В. Предметы вооружения из сяньбийского могильника Дурой-1 в Восточном Забайкалье // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. – Барнаул, 2008.
26. Яремчук О.А. Особенности погребального обряда населения Восточного Забайкалья в хунно-сяньбийскую эпоху // Забайкалье в геополитике России. – Улан-Удэ, 2003.
27. Яремчук О.А. Могильник Зоргол-1 – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Чита, 2005.
28. Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 году // Труды Тувинской комплексно археолого-этнографической экспедиции. – Т. III: Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. – Л., 1970.
29. Грач А.Д. Исследование в Бай-Тайге // Труды Тувинской комплексно археолого-этнографической экспедиции. – Т. II : Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. – М. ; Л., 1966.
30. Савинов Д.Г. Некоторые аспекты реконструкции материалов могильника Кокэль // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск, 1992. – Ч. 1.
31. Савинов Д.Г. Проблема хронологии Кокэля в историческом аспекте // Проблемы истории России. Вып. 5: На перекрестке эпох и традиций. – Екатеринбург, 2003.
32. Длужневская Г.В., Савинов Д.Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. – СПб., 2007.
33. Николаев Н.Н. Культура населения Тувы 1-й пол. I тыс. н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2001.
34. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб., 1999.
35. Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). – Новокузнецк, 2003.
36. Илюшин А.М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск, 2000.
37. Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. – Т. III : Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. – Л., 1970.
38. Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. – Барнаул, 2009.
39. Панкова С.В. Погребение середины I тыс. н.э. в западной Туве // Древности Алтая. – №11. – Горно-Алтайск, 2003.
40. Митько О.А. Таштыкские памятники могильника Маркелов Мыс-II. Материалы и реконструкция сожжения погребальных сооружений (по результатам раскопок склепа №8) // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края. – Новосибирск, 2007.
41. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // Материалы и исследования по археологии СССР. – Вып. 48. – М. ; Л., 1956.
42. Уманский А.П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Древняя Сибирь. Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск, 1974.
43. Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. – Томск, 1983.
44. Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. – Новосибирск, 1993.
45. Матвеева Н.П. Ранний железный век Пришимья. – Новосибирск, 1994.
46. Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Новые памятники бронзового и железного веков // Древности Ингальской долины: археолого-палеогеографическое исследование. – Вып. 1. – Новосибирск, 2003.
47. Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование. – Екатеринбург, 1997.
48. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. – М., 1997.
49. Семенов Вл.А. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. – СПб., 2003.
50. Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). – Новосибирск, 2003.
51. Тишкин А.А. Отчет о проведении археологических исследований в Онгудайском районе Республики Алтай и в Первомайском районе Алтайского края летом и осенью 2003 года. – Барнаул, 2005 // Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. №220.
52. Соенов В.И. Комплекс вооружения населения Верхней Катунь в гунно-сарматскую эпоху // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул, 2005.
53. Худяков Ю.С., Эбель А.В., Кочев В.А. Лук и стрелы из погребения на реке Кам-Тытугом в Горном Алтае // Актуальные вопросы истории Сибири. – Барнаул, 1998.
54. Сорокин С.С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Вып. 18. – Л., 1977.
55. Суразаков А.С., Соенов В.И. Зооморфный колчаный крюк из могильника Айрыдаш-1 // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. – Барнаул, 2010.
56. Кочев В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в бассейне р. Коир // Древности Алтая. – №10. – Горно-Алтайск, 2003.